

Против Системы

О философе Хабермасе, который верил, что только
объединенная Европа может противостоять
национализму и войнам

Юрген Хабермас. Фото: imago images / Seeliger

17:50, 21 марта 2026,

Максим Кантор

писатель, художник, философ

В послевоенной Германии писатель Генрих Белль опубликовал повесть «**И не сказал ни единого слова**» — рассказ о том, что люди фатально одиноки: каждый живет в своем ущемленном замкнутом мире, несет свою беду и свое безверие. Люди не умеют поделиться даже своим горем и не умеют разделить беду другого, они разучились слышать другого. Люди — самые близкие люди! — нуждаются друг в друге, им требуется тепло и помощь, но взаимное доверие разрушено: муж и жена, которые любят друг друга, не могут договориться — каждый из них заперт внутри своего одиночества. И это страшный приговор — приговорить человека к одиночеству даже рядом с любимыми. Люди помещены в стерилизованный гербарий сюрреализма, как на картине Магритта: каждый существует в своем узком пространстве, люди проходят друг мимо друга, не соприкасаясь, они потеряли возможность защищать друг друга и любить.

В Европе, истерзанной двумя жестокими войнами, которые шли одна за другой, люди почувствовали себя одинокими — без опоры на другого. И как людям договориться?

У них был общий язык — то был язык лозунгов и призывов, язык команд и массового энтузиазма. И вдруг оказалось, что этот язык фальшив и ведет к общей могиле. Общий язык лозунгов отныне невозможен, но ведь другого-то языка, пригодного для всех, — нет. Бесчеловечная власть выдумала общие правила, общий энтузиазм, общий язык; и был ли когда-нибудь другой общий язык, кроме языка лозунгов? Как теперь, на пепелище империи, — как одинокому человеку выстроить мост к другому одинокому?

Роман Олдингтона «Все люди враги», одинокие герои Жана

Габена, пустые мертвые улицы художников Де Кирико или Хофера, знаменитая формула Сартра «Ад — это другие», — всё говорит о том, что связи между людьми разрушены. И как строить новый мир на послевоенных руинах, если даже любящие мужчина и женщина не умеют разговаривать друг с другом. Разучились.

То, что делает война, страшно не только убийствами, но еще и тем, что даже уцелевший в боине оказывается обречен — он приговорен к умиранию в вакууме: ни к кому нет доверия, никто не протянет ему руки, никто не согреет. Война спекулировала понятиями «братство» и «семья» — но то было братство по оружию и идеальная семья тоталитарного государства. Бесчеловечная схема бытия не оставляет пространства для человечности.

Юрген Хабермас главной темой своего творчества сделал тему коммуникации — выстраиванию диалога между людьми. Один из парадоксов философии состоит в том, что, стремясь объяснить и даже изменить жизнь, стремясь научить всех людей чувствовать и думать, — философия выстраивает узкопрофессиональный сверхсложный словарь только для посвященных. Хабермас всю жизнь оспаривал логику Империи и Системы — то есть тот язык лозунгов и манипуляций, который оставил людей сиротами на пепелище. И взамен языка лозунгов он создал язык, претендующий на объяснение общей коммуникативности, диалога одного со всеми, вот только пользоваться этим языком могут немногие.

Исследователю творчества Хабермаса предстоит непростая задача перевода узкопрофессиональной терминологии в общедоступные выражения — чтобы (даже ценой потери нюансов) сохранить то главное, ради чего писал Хабермас, — сохранить ценность диалога каждого со всеми и всех с каждым.

Демонстрация 1968-го года. Фото: Zuma \ TASS

Хабермас принадлежит «второму поколению» франкфуртской школы философии, того неомарксистского направления мысли, что возникло в послевоенной Германии. Франкфуртская школа основывалась на утверждении того, что нацизм не искалечил души до конца, что можно перевернуть страшную страницу, переосмыслить опыт культуры и истории. Обращение к Марксу (мыслителю табуированному и проклятому в годы нацизма) не исключало того, что философы выстраивали свои оригинальные концепции, основанные на изучении современного индустриального общества, законов которого Маркс предугадать не мог.

Основные ее представители — Адорно, Хоркхаймер, Маркузе, Фромм, Беньямин, Нейман — были связаны с Институтом социальных исследований во Франкфурте-на-Майне. Их объединяло понимание того, что современное им буржуазное

классовое общество мимикрировало в тоталитарную монолитную Систему, в которой (ввиду отсутствия пролетариата) революционная роль переходит к интеллектуалам, то есть к ним самим и их коллегам. И эту миссию новых интеллектуальных революционеров они приняли как рабочую программу.

Философы критиковали культ потребления и популярную культуру, превращающую людей в пассивных потребителей, критиковали манипуляции массовой информации, называли тоталитаризмом практику стирания границ между частным и публичным существованием. Собственно говоря, когда называют критическую теорию франкфуртской школы «неомарксизмом», то это определение недалеко от истины: такие мыслители, как Фромм и Маркузе, безусловно, были неомарксистами.

Юрген Хабермас разделял «левые» взгляды своих учителей и коллег, но его «неомарксизм» не был столь радикален, как, например, у Маркузе или Адорно. Он был слишком рационален для революционного дискурса: преодоление тоталитарных законов Системы он искал в формировании новой этики коммуникаций между индивидами.

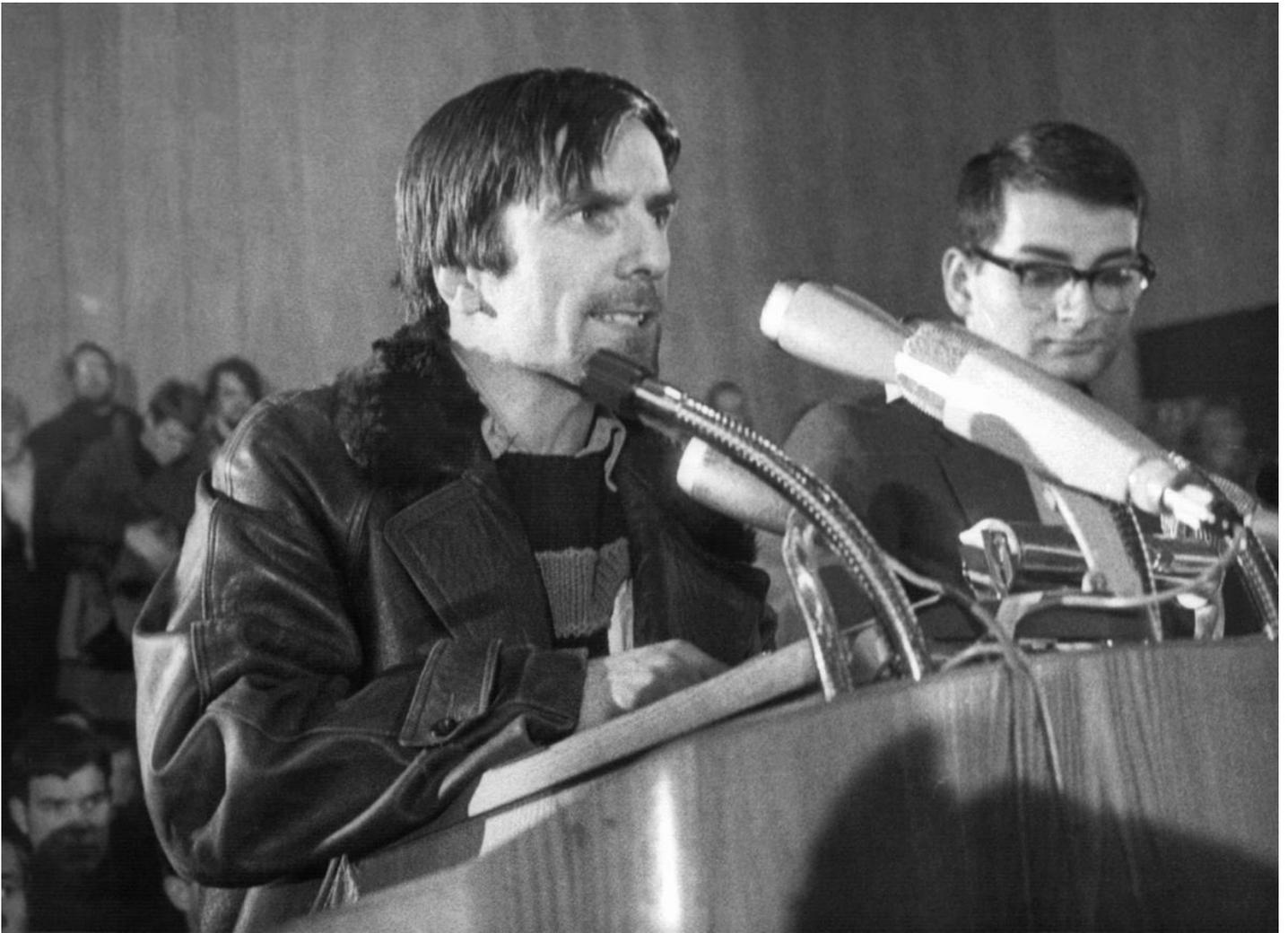
Хабермас сочувствовал студенческому движению 1968 года, впрочем, назвал лидера немецкого студенческого движения, представителя поколения немецких «новых левых» Дучке, «левым фашистом», упрекал его в провокации насилия. Вместе с тем, подобно своим коллегам,

Хабермас использовал термин Система для обозначения тоталитарного общества, власть которого стремился преодолеть. Вот в этом промежутке — между критикой Системы и

критикой насилия, провоцируемого «новыми левыми», — и лежат воззрения Хабермаса.

Взгляды Хабермаса эволюционировали. Главным сочинением первого периода считается **«Познание и интерес»** (1968); центральной работой зрелых лет стала **«Теория коммуникативного действия»** (1981). В последних работах он уточнял взгляды прежних лет. Цель Хабермаса — освободить личность от «систематически искажаемой коммуникации», наделить индивида способностью коммуницировать с другим индивидом вне Системы.

Согласно Хабермасу, демократия должна быть объединена с нравственностью, а этика нового типа — с философией и политикой. Книга «Теория коммуникативного действия» была до известной степени утопической. Хабермас сочетал в своей работе и ярость утописта Маркса, и вдумчивую этическую концепцию Шеллинга, и «теорию социального действия» Вебера.

Руди Дучке. Фото: DPA / TASS

Хабермас создал оригинальную теорию «коммуникативности» как развитие и уточнение марксистской теории: к феноменам Труда и Товара философ добавил недостающий (по его представлениям) феномен «коммуникативность» (то есть способность понимать другого человека и сопереживать другому). Коммуникативность, по Хабермасу, есть самодостаточное явление — это пространство личной свободы, позволяющее выстроить рационально осмысленное общество независимых индивидов, вступивших в разумный диалог.

С течением времени утопизм этого проекта стал очевиден.

Хабермас ввел в арсенал своих образов понятие «колонизация жизненного мира Системой». Речь идет о том, что коммуникативность (призванная стать пространством свободы, освободить индивида от общественных манипуляций)

постепенно осваивается тотальным капиталистическим обществом.

Коммуникативность, которая в 70-е годы прошлого столетия была (как представлялось Хабермасу) гарантией личной свободы каждого, в мире, где властвует менеджмент, а не производитель, становится инструментом закрепощения индивида. Коммуникативность сделалась орудием управления массами: политика в современном мире становится пиаром, публичная дискуссия превращается в манипуляцию сознанием масс, общественные отношения попадают в зависимость от менеджмента, рынок услуг и рынок менеджмента становятся столь же властными манипуляторами общества, как некогда рынок труда и капитала. На рынке искусства, в быту социума, на политической сцене властвуют не Товар и не Труд, но менеджмент. Новая ипостась капитализма оперирует менеджментом, то есть присваивает себе функции коммуникативности. И это уже коммуникативность другого рода, отнюдь не та, о которой мечтал Хабермас: это коммуникативность не освобождающая индивида, но, напротив, его закрепощающая.

Хабермас принимал вызов времени и меняющейся реальности, уточнял взгляды, искал более точные слова — ради того, чтобы наделить индивида свободой, помочь преодолеть Систему.

Хабермас сочетал в своем творчестве рационализм кабинетного ученого и гражданское мужество публициста. Он не страшился газетной полемики — что необычно для кабинетного мудреца. Памятен его публичный спор (на страницах газет «Франкфуртер алгемайне цайтунг» и «Цайт») с историком Эрнстом Нольте по

поводу природы нацизма.

Хабермас опровергал утверждение Нольте о том, что национал-социализм возник как реакция на большевизм. Мужество Хабермаса состояло в том, чтобы признать коллективную вину германского общества за возникновение нацизма. Спор этот перерос газетную полемику и стал манифестом гражданской ответственности.

Мужество не покидало Хабермаса никогда: он шел против модных трендов и конвенций, готов был пересмотреть свои собственные утверждения 60-х годов. В 1962 году вышла его работа **«Структурная трансформация общественности»** — впоследствии он полемизировал сам с собой: в 2022 году опубликовал книгу **«Новая структурная трансформация общественности и делиберативная политика»**, в которой пишет о распаде публичных дискурсов и основных коммуникационных структур, в том числе — и о распаде современных ему политических дискурсов. Для человека, посвятившего свое творчество утверждению коммуникативного разума, это крайне печальное утверждение.

Фото: Zuma \ TASS

До последних дней своей жизни Хабермас верен себе: в ноябре 2025-го он выступал в Мюнхене с докладом о субъектности Европы — он делается все более и более пессимистичным.

Хабермас до последних дней оставался критиком современных ему событий.

Важен взгляд ученого на российско-украинский конфликт; как всегда, Хабермас вступил в полемику с общепринятым трендом. В апреле 2022 года, когда Европой уже был взят курс на блокирование мирных переговоров, Хабермас выступил за переговоры и дипломатию, предостерегая от эскалации боевых действий. В феврале 2023 года он публикует статью «В защиту переговоров», в которой говорит об определенной ответственности Запада за происходящее в Украине. Слишком смело для кабинетного ученого — впрочем, он всегда был таким: шел наперекор общему мнению. Закономерно, что на философа, которому было уже за 90 лет, обрушилась критика —

обвиняли в незнании ситуации, в утопизме, в пустой риторике и просто в неспособности (в силу возраста) понять проблемы Европы. Однако Хабермас остался верен себе и своему пониманию Европы и ее задач.

Смерть Хабермаса стала вехой в истории современного нам мира. В мире, который сегодня сходит с ума, который разучился слушать и понимать, стало еще тяжелее: ушел тот, кто мог философски обосновать возможность диалога между людьми.